

Глава 3

Когда Цзи Линьси вернулся в павильон Цзюньцзы, всё необходимое уже подготовили. С самым серьёзным видом, словно свершая священное таинство, он рассыпал клейкий рис ровным кругом по всему двору. Затем велел забить принесённых кур и собрать три чаши крови, которую выплеснул поверх риса.

— Подайте острый кинжал, — не дрогнув в лице, распорядился он.

По знаку господина Вана слуга тут же поднёс заранее припасённое оружие.

Линьси взял кинжал и, даже не нахмурившись, полоснул себя по пальцу. Он равнодушно смотрел, как капля за каплей кровь падает на землю, будто совершал подобное тысячи раз.

Увидев такую решимость, глава семьи окончательно отбросил сомнения. Юноша обошёл двор, оставляя за собой кровавый след, пока его лицо не подернулось бледностью. Только тогда он опустил корзину на землю и обмотал рану лоскутом ткани.

— Теперь мне нужно зайти в спальню, чтобы заложить основу ритуала. Мне понадобится помощник из числа слуг, — даос медленно обвёл взглядом толпу и как бы невзначай указал на того самого человека, в котором почуял неладное. — Ты. Пойдёшь со мной.

— Я... я? — слуга вжал голову в плечи, на его лице отразился неподдельный страх.

— Раз Чу-даочжан выбрал тебя, живо иди за ним! — нетерпеливо прикрикнул молодой господин Ван и наградил беднягу пинком. — Жалкий холоп, вздумал перечить воле мастера?

Наблюдая, с каким хладнокровием гость пускал себе кровь, Ван-младший тоже уверился, что перед ним человек недюжинных способностей.

Слуга, повалившийся от удара на землю, поспешно вскочил и, то и дело кланяясь, со страхом в глазах последовал за Цзи Линьси в спальню.

Стоило дверям закрыться, Линьси подошёл к зеркалу. Для вида он принялся рассыпать «прах» — обычную золу, смешанную с рисом, — и очерчивать круг киноварью, якобы создавая магический узел.

— Как тебя зовут? — небрежно бросил он.

Мужчина на мгновение оцепенел, прежде чем понял, что обращаются к нему:

— Отвечаю даочжану: меня кличут Чангуй.

Линьси коротко кивнул и, закрыв глаза, принялся бормотать заклинания. Исполнив серию пустых, но пафосных жестов, он чуть приоткрыл веки и взглянул в отражение зеркала.

В этот миг во взгляде помощника не осталось и следа от недавнего трепета. Его глаза горели лютой ненавистью и презрением.

Линьси открыл глаза, сжёг ритуальный листок и нарочито тяжело вздохнул:

— Ох, девица... Пусть твоя участь при жизни и была прискорбной, это не даёт тебе права творить бесчинства после смерти. Ну, принудил тебя молодой господин Ван к близости, так стоило бы стерпеть, а после — подать жалобу в суд, чтобы уездный судья восстановил твою честь. Зачем же становиться мстительным духом и губить людей?

При этих словах кулаки Чангуя сжались так, что побелели костяшки.

Разумеется, Цзи Линьси прекрасно понимал, какую мерзость он сейчас произнёс. С богатством и связями семьи Ван никакой чиновник никогда бы не принял сторону опозоренной девушки. Окажись он сам на месте этой несчастной, он бы затаился, прикинулся покорным, а когда насильник потерял бы бдительность — одним точным ударом вогнал бы шпильку ему в горло, чтобы тот и пикнуть не успел.

Проткнуть гортань — смерть наступит не сразу. И пока негодяй ещё жив, Линьси бы не вынимал шпильку, а нашёл бы в комнате что-нибудь тяжёлое и острое, чтобы вдребезги раздробить врагу его «корень», переломать руки и ноги — и лишь насладившись мучениями, бежал бы прочь. Поймают — покончить с собой, не так уж это и обидно. А если не поймают — так и вовсе чистая выгода.

В любом случае, это лучше, чем просто лишиться жизни, оставив обидчика безнаказанно наслаждаться миром.

Чангуй не шевелился, храня гробовое молчание.

Линьси же продолжал:

— Да и стать женщиной молодого господина не так уж плохо. Семья Ван богата и влиятельна. Жила бы в довольстве, горя не знала... Совсем ты не умеешь ценить своё счастье.

Когда поток кошунственных слов стал невыносимым, слуга не выдержал. Он процедил сквозь зубы низким, леденящим голосом:

— Чу-даочжан, о мёртвых либо хорошо, либо никак. Даже если вы экзорцист, вы не вправе так глумиться над памятью девушки.

Даос обернулся и одарил его понимающей улыбкой. Чангуй тут же осознал свою ошибку, и его лицо исказилось.

— Что же Чу-даочжан так долго там делает?

Едва господин Ван произнёс это, двери распахнулись. Линьси вышел, неся свою бамбуковую корзину. Однако теперь его лоб был в красных пятнах и заметно припух. Хозяин дома тут же подскочил к нему с тревогой:

— Мастер... Что с вашим лбом?

— Пустяки, — даос бросил короткий взгляд в сторону. — Чтобы усмирить гнев покойницы при закладке ритуала, пришлось искренне отвесить ей несколько земных поклонов.

Позади него, низко согнувшись, ковылял Чангуй.

— Защита установлена, — добавил Линьси. — До часа Крысы обязательно доставьте подношения внутрь. Что бы вы ни услышали или ни увидели ночью — не вздумайте вмешиваться. Делайте вид, будто ничего не происходит.

От его слов чета Ван и их сын заметно побледнели. Госпожа Ван в волнении спросила:

— А нельзя ли покончить с ней прямо сегодня?

Линьси покачал головой:

— Обида этого злого духа слишком глубока. Я отдал много сил, окропляя двор своей кровью, и теперь истощён. Через два дня, когда её мощь пойдёт на убыль, а я восстановлюсь, я смогу её подчинить. Главное — в эти два дня не нарушайте границы круга, иначе совладать с ней будет в разы труднее.

Дав эти наставления, он направился к выходу. Хозяин поспешно спросил, куда тот собирается.

— Нужно купить кое-что необходимое. Скоро вернусь.

— Раз мастер идёт за покупками, семье Ван подобает оплатить расходы, — засуетился старик.

Он подозвал слугу и велел: — Ступай в казначейство, возьми пятьдесят таэлей и сопровождай даочжана. Хорошо охраняй его безопасность.

Линьси про себя выругался в адрес господина Вана.

«Яблоко от яблони... — подумал он. — Решил следить за мной, чтобы я не сбежал и не сговорился с кем-то».

Впрочем, внешне он остался бесстрастен:

— Хорошо.

Вскоре приставленный слуга вернулся с серебром:

— Чу-даочжан, пойдёмте.

Выйдя за ворота поместья, Линьси едва сдерживал дрожь. Он промок до нитки и мечтал лишь о том, чтобы найти тёплое место, просушить одежду и забыться сном под толстым одеялом. Но из-за надзирателя за спиной ему приходилось держать спину прямо. Даже когда его пальцы покраснели и онемели, он сохранял на лице выражение полнейшей безмятежности.

— Мастер, а вам разве не холодно? — с сомнением спросил слуга.

— Человек, идущий по Пути, годами странствует в снегах и уже не боится холода.

«Нет-нет-нет, я сейчас околею! Околею! Околею на месте!» — мысленно вопил он.

Цзи Линьси судорожно соображал, что бы такое купить для вида. Он водил сопровождающего по улицам, сделав два круга. Прохожие кутались в тяжёлые одежды, даже простые работяги прятали руки в рукава. И только он шёл в своём тонком платье, которое совсем не грело.

Осмотревшись, Линьси приобрёл немного киновари и бумаги для талисманов, после чего заглянул в богатую на вид аптекарскую лавку. Придирчиво оглядев прилавки, он нарочито медленно прошёлся вдоль полок во второй раз.

— Мастер, ищите какие-то лекарства? Скажите мне, я знаю все лавки в Юнчэне, — подобострастно предложил слуга.

— Хочу купить снадобья для восполнения крови и энергии...

На самом деле он просто зашёл погреться — в лавке жарко пылали угли, и уходило в ледяную

сырость улицы было выше его сил.

Слуга уже открыл рот, чтобы ответить, но в дверях вдруг потемнело. Снаружи вошёл гость, и тишину нарушил мелодичный перезвон нефритовых подвесок на его поясе.

— Господин, в Юнчэне стужа. Если вам надобны лекарства, велели бы мне, зачем же самому утруждаться? — раздался заискивающий голос.

Линьси про себя пренебрежительно хмыкнул, ожидая увидеть очередного изнеженного сынка из богатой семьи, и нехотя обернулся.

Его взору предстал юноша в одеянии из бирюзового шелка, подбитого мехом. На его плечи была накинута лисья шуба. Лицо гостя поражало чистотой — ни единого изъяна, губы — точно лепестки весеннего персика, а глаза, подобные прозрачному горному хрусталию, сияли холодным блеском. В каждом его движении, в чуть опущенных веках читалось благородство и привычка к безграничному почтению.

Он шёл против света, и ореол мягкого сияния золотил его волосы. Эта почти неземная красота заставила Линьси — мошеника и пройдоху, привыкшего скрываться и лгать — замереть на месте. Он напрочь забыл о своей маскировке и лишь ошеломлённо смотрел, не в силах пошевелиться.

— Пустяки. В трактире стало скучно, захотелось выйти на воздух, — голос вошедшего был спокойным и ровным. Он даже не взглянул на Линьси, обращаясь лишь к своему сопровождающему.

В самой природе Цзи Линьси была заложена не только жадность, но и глубокая, порочная тяга к красоте.

Будучи обманщиком самого низкого пошиба, он в юности служил в академии и тайком читал всё подряд. Среди множества книг ему попадались и «запретные» свитки с картинками. Если бы на его месте оказался порядочный человек, он бы отбросил такие книги в смущении, но Линьси жадно впитывал каждое слово, а после немедленно давал волю фантазии.

Он был подобен мартовскому кобелю.

Позже он и сам взялся за кисть. Его слог стал настолько искусственным, что описанные им сцены казались живыми.

Цзи Линьси давно признал в себе гнилое нутро. Год назад, обманом заполучив приличную сумму, он первым же делом отправился в «весёлые кварталы». И вернулся оттуда в полном разочаровании.

Недостаточно красиво. Недостаточно изящно. Недостаточно возвышенно.

Несмотря на своё низкое происхождение, он обладал пугающе избирательным вкусом. Даже в его снах лица любовников оставались размытыми, но он чувствовал — это должны быть существа неопишуемой красоты. Иначе зачем ему терять рассудок и предаваться страсти, забыв обо всём на свете?

Благородный юноша наконец поднял взгляд. Его глаза скользнули по Линьси, как по пыли на обочине, и в тот же миг мошенник почувствовал, как по его позвоночнику пробежала обжигающая волна. Сердце забило в бешеном ритме.

И не только сердце.

Отринув всякий стыд, он ощутил недвусмысленный, горячий отклик во всём теле.

<http://bllate.org/book/15344/1372713>